

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ЦЕЛЬ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Т. А. Яценко

Статья посвящена анализу культурного концепта `Цель` и его пересечению с другими культурными концептами в языке романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Ключевые слова: культурный концепт, лингвистическая цель, пересечение культурных концептов

Стаття присвячена аналізу культурного концепту `Мета` та його пересіканню з іншими культурними концептами в мові роману Ф.М. Достоевського "Злочин та кара".

Ключові слова: культурний концепт, лінгвістична мета, пересікання культурних концептів

The article is devoted for analysis of cultural concept `Purpose` and it's intersection with another cultural concepts in the language of the novel "Crimea and Punishment" by F. Dostoyevski.

Key words: cultural concept, language purpose, intersection of cultural concept

Одним из приоритетных направлений современных языковедческих исследований стало обращение к исследованию культурного концепта как базового понятия когнитивной лингвистики и основы языковой картины мира (Г.Ф. фон Вригт, З. Вендлер, Ю.С. Степанов, Т.А. Космеда, Н.Д. Арутюнова, В.П. Нерознак, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Е.А. Селиванова, Г.Ю. Богданович, Т.В. Радзиевская и др.).

К числу основных культурных концептов, таких, как `Время`, `Душа`, `Радость`, `Причина`, относится и `Цель`.

В лингвистике последнего времени наметились два основных направления в трактовке концепта `Цель`: 1. `Цель` и `Причина` рассматриваются в пределах одного культурного концепта (Ю.С. Степанов); 2. `Цель` определяется как самостоятельный концепт (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Радзиевская). В своем исследовании я придерживаюсь в основном второго направления, что мотивируется прежде всего различием временной отнесенности (`Причина` – прошлое, `Цель` – будущее и, соответственно, модальности (`Причина` в большинстве случаев – реальное событие, `Цель` – потенциальное или желательное). Но при этом анализируется обширная область пересечения названных концептов.

Семантика `Цели` (как, кстати, и `Причины`) двойственна; в современных лексикографических описаниях она определяется как: 1. Намерения, желание субъекта; 2. Результат, достигаемый субъектом [8]. Замечу при этом, что основные «семантические составляющие» `Цели` были выделены и проиллюстрированы еще в «Толковом словаре живого Великорусского языка» В.И. Даля [15;16].

Теоретическими основами моего исследования являются следующие положения:

1. Культурный концепт понимается как языковая реализация ментальной единицы, детерминированной мировой и национальной культурой;

2. Лингвистический концептуализм связывается с проблемой фиксации индивидуальных концептов;

3. Изучение авторского концепта базируется на категории антропоцентричности текста.

Результаты моей работы по изучению культурного концепта `Цель` представлены в ряде статей [15; 16; 17].

Новизна исследования, которому посвящена данная статья, состоит в следующем:

- лингвокультурологическое исследование концепта в контексте целостного произведения, являющегося одним из ключевых для русской культуры;

- выявление дополнительных прагматических смыслов контекстов, включающих слово *цель* и другие целевые слова;

- расширение представлений о лингвистической реализации культурного концепта `Цель` и его пересечении с другими важнейшими концептами;

Основные цели статьи: 1) Представить «полноту жизни» культурного концепта `Цель` и его место в концептосфере русского языка; 2) Раскрыть ценностную и образную составляющие исследуемого концепта.

Материалом исследования является текст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Опора на этот материал объясняется рядом причин. Во-первых, лингвистика рубежа

веков, обращенная к синтезу разнообразных знаний о человеке, находит поистине бесценный материал именно в произведениях Ф.М. Достоевского, в силу феноменальности его художественного мышления. Во-вторых, концепт 'Цель' в романе Ф. Достоевского – это не только одновременное раскрытие и истоков, и цели преступления. Это слияние 'Цели' со 'Смыслом', это вопрос о 'Предназначении' человека. Здесь вопрос «зачем убил?» сливается с вопросом «зачем живу?». И, наконец, драматическая (а точнее – трагедийная) основа его романов (см. об этом подробнее в [9, с.141-142]), их полифония, исследованная М.М. Бахтиным, позволяют увидеть не только богатство семантики концепта, но и его своеобразную кристаллизацию.

Рамки настоящей статьи позволяют остановиться только на некоторых особенностях представления концепта 'Цель' в романе «Преступление и наказание», к которому вполне применим термин «роман-трагедия», впервые использованный Вяч. Ивановым и затем часто встречающийся в работах Н. Бердяева, Д.С. Мережковского, С. Булгакова [9].

Связь лингвистического концептуализма с фиксацией индивидуальных концептов [10] обуславливает особый интерес к изучению концептосферы крупных национальных писателей (Т.А. Космеда, Л.Г. Бабенко, Л.Н. Чурилина и др.) По справедливому замечанию Т.А. Космеды, лингвистический концептуализм как формирующаяся парадигма направлен не только на определение сверхабстрактных концептов (А. Вежбицкая), но и на проблему фиксации индивидуальных концептов. «В связи с этим интерес представляет проблема изучения концептосферы отдельных языковых личностей. Такими личностями должны стать крупные писатели...» [6, с.81]. При этом под индивидуальной концептосферой понимается также включение в ключевой культурный концепт других концептов, сквозь призму которых он более полно интерпретируется [5].

Естественно, что изучение представления в концептосфере романа Ф.М. Достоевского мирового мегаконцепта 'Цель' расширяет наше знание о роли этого культурного концепта в русском языковом сознании.

С точки зрения Б.Н. Любимова, «Преступление и наказание» является самым совершенным типом «сценического повествования» [9, с.212]. Основа сюжета – разгадывание коренных истоков преступления, и это разгадывание проходит не в действиях, не в выявлении улик, свидетелей и т.д.: событийная последовательность с деталями («петля для топора») известны читателю сразу.

Это «разгадывание» – прежде всего в широко понимаемой диалогичности дискурса. Диалогичность дискурса непосредственно связана с тексто-дискурсивной категорией антропоцентричности. Традиционно в художественном тексте фиксируется наличие трех антропоцентров: автора, читателя и персонажа [2; 3]. В работах Е.А. Селивановой обосновывается более разноплановая и многослойная антропоцентрическая представленность в дискурсе, которая проецируется «в систему диалогических связей автора и его текста, автора и предполагаемого читателя, читателя и текста, конкретного читателя и автора и т.д.» [12, с.228]. Именно такое, широкое понимание диалогических связей оказалось актуальным для исследования концепта 'Цель' в романе Ф.М. Достоевского.

Можно сказать, что роман насквозь пронизан диалогами, и это не только включенность в непрерывный диалог всех действующих лиц произведения. Это и внутренние монологи героев (прежде всего Раскольникова и Свидригайлова), которые «диалогичны» по своей сути, потому что почти всегда есть воображаемый «другой», к которому они обращены (например, воображаемые споры Раскольникова с Порфирием Петровичем – ч.VI, гл. I, обращение Свидригайлова к своей покойной жене Марфе Петровне – ч.VI, гл. VI), или проявление рефлексии, когда «Я» раздваивается (например, внутренний диалог Раскольникова в самом начале романа: *Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на это? Разве это серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себе тещу; игрушки! Да, пожалуй что и игрушки!*) (с.6) Заметим, что в этом же первом монологе появляется и первое представление концепта 'Цель': целевой вопрос *зачем* и причинно-целевая форма *ради фантазии*.

Диалогичность дискурса распространяется также на диалог самого автора с читателем, прежде всего с реальными и воображаемыми оппонентами – сторонниками революционных социалистических идей. При этом для романа в целом нехарактерно осязаемое присутствие личности автора (исключение составляет Эпилог), но есть действующее лицо, которому доверены мысли Достоевского по поводу строительства социалистического будущего. Это Разумихин, в монологах которого звучит страстная полемика с социалистами по поводу «устройства» будущей жизни.

Отметим, что довольно подробно исследованная в современных работах концептуальная метафора «Общество – строение» оказывается соотношенной и с культурным концептом 'Цель'. В социалистических теориях, как известно, создание нового общества уподобляется строительству нового здания, причем непременно коллективному. То есть строит коллектив для жизни коллектива. (Это ни в коем случае не **свой** дом, который человек строит **сам** – для **себя** и **своей** семьи.) В русской

художественной литературе назову только несколько таких образов: прекрасное здание будущего из 4-го сна Веры Павловны (Н. Чернышевский, Что делать?), «цивилизованный» концлагерь (Е. Замятин, Мы) и котлован из одноименной повести А. Платонова. См. также роман В. Войновича «Москва – 2042»: *Люди будущего будут жить в небольших, но уютных городах, каждый из которых будет размещаться под огромным стеклянным шатром. В этом городе «круглый год будет светить солнце...»* У Ф. Достоевского в «Преступлении и наказании» (см. монолог Разумихина, ч.3, с. 265-266) цель переустройства жизни социалистами представлена как строительство фаланстера: *И выходит в результате, что все на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели! Фаланстера-то и готова, да натура-то у вас для фаланстеры еще не готова; жизни хочет, жизненно процесс еще не завершила, рано на кладбище!* Именно в диалогах выявляется прежде всего прагматика 'Цели', а также ее ценностная составляющая.

Т.В. Радзиевская пишет о том, что наличие выделительной оценки в семантике слова *цель* объясняет включение его в контексты с повышенной экспрессией, в которых представляются различные прагматические смыслы, а именно: категоричность, особое отношение субъекта речи к сообщаемому, средствам выражения. Прагматика обуславливает и особый тип высказываний: дефиниции, сентенции, высокопарные суждения, призывы [11, с.401].

В нашем материале эти характеристики приложимы в какой-то степени к речи Порфирия Петровича, отчасти – Свидригайлова, когда они рассуждают о цели преступления Раскольникова. См., например, фрагмент диалога Свидригайлова с Авдотьей Романовной: *Дело длинное, Авдотья Романовна. Тут, как бы вам это выразить, своего рода теория, то же самое дело, по которому я нахожу, например, что единичное злодейство позволительно, если главная цель хороша. Единственное зло и сто добрых дел! Оно тоже, конечно, обидно для молодого человека с достоинствами и с самолюбием непомерным знать, что были бы, например, всего только тысячи три, и вся карьера, все будущее в его **жизненной цели** формируется иначе, а между тем нет этих трех тысяч (с. 513-514).*

Высказывания же самого главного героя отличаются, разумеется, повышенной экспрессией, но основной прагматический смысл заключается в ином – в обнаружении истинной цели, причем в сущности речь идет о цели жизни, хотя, на первый взгляд, говорится о цели преступления, его мотивации. Вот здесь, по-моему, и проявляются характеристики 'Цели' как концепта русской культуры: 1) Высокий уровень абстрактности; 2) Глобальный характер; 3) Настоячивый поиск **истинной** цели.

Именно эти особенности определяют специфику реализации концепта в тексте романа. 'Цель' пересекается с 'Предназначением'. Г.Е. Крейдлин, анализируя различия между названными концептами, прежде всего отмечает, что 'Предназначение', в отличие от 'Цели', не относится к сознательной целесообразной деятельности, а определяется свыше: судьбой, демиургом, Всевышним, роком. «Предназначения лежат вне оси времени и ограничены пределами пространства жизни человека или вещи; цели расположены в будущем: предназначения исполняют или выполняют, а не **достигают** (как цель)» [7, с.432].

Какова же цель и мотивы преступления Раскольникова? На протяжении всего романа цель преступления в разнообразных версиях раскрывается и уточняется в диалогах и внутренних монологах героя, по своему характеру напоминающих диалоги (рефлексия).

И только в эпилоге эта цель излагается в своеобразном авторском тексте – пересказе судопроизводства по делу Раскольникова. Изложение очень беглое, конспективное. Мотивы преступления, представленные на суде самим Раскольниковым, звучат предельно ясно – речь идет только о «материальных мотивах». Автор как бы отстраненно сообщает о них, субъективное отношение проскальзывает только в одном: ясность и точность объяснений оцениваются (дважды!) как *грубые* (с.558-559).

При всей «материальной крайности», фактически при нищете, не это главное, и желание спасти мать и сестру и даже отдаленная цель «потом сделать много хорошего для людей» – не объясняют главного.

В решающем разговоре с Соней (часть IV, гл. IV) Раскольников, отбрасывая одну версию цели преступления за другой, как бы срывая верхние, видимые слои и добираясь до сокровенного, открывает главную цель: *Всю, всю муку всей этой болтовни я выдержал, Соня, и всю ее с плеч стряхнуть пожелал: я захотел, Соня, убить без казуистики, **убить для себя, для себя одного!** Я лгать не хотел в этом даже себе! **Не для того**, чтобы матери помочь, я убил – вздор! **Не для того** я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. **Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного:** а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем, или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне в ту минуту, все равно должно было быть!.. **И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько нужны***

были, как другое ... Я это все теперь знаю ... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне **другое надо было узнать**, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить, или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять, или нет? **Тварь ли я дрожащая, или право имею** ... (с. 437).

Обратим внимание на многократное отрицание «неистинных» целей: *не для того, чтобы...* и многократное повторение *для себя*. Но и это *испытание себя* – всего лишь первый шаг к глобальной цели: «власть над всем человеческим муравейником». Мотив преступления формируется предельно ясно: *Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...* (с. 433). Причина и цель совершенно органично сливаются в единое целое.

Цель Раскольникова сливается с испытанием своего Предназначения. Его наполеонизм – это гордыня, приводящая к мучительным страданиям. (Концепт 'Гордость' заслуживает особого исследования и в русской традиции, и в советском дискурсе. Я замечу только, что 'Гордость' в тексте романа пересекается и с 'Причиной', и с 'Целью'). Признание своей вины без истинного раскаяния (гордыня!) не избавляет от страданий.

Причину мучений героя в первый год его каторги Достоевский объясняет очень прямо и просто: гордость. Именно гордость, а не «ужасы каторжной жизни»: *Но не бритой головы и кандалов он стыдился: его гордость сильно была уязвлена; он и заболел от уязвленной гордости* (с.566). Гордость делает невозможным раскаяние: *О как бы счастлив был он, если бы мог сам обвинить себя! Он бы снес тогда все, даже стыд и позор (там же)*. Но совесть его находит не вину в совершенном преступлении, а только *промах*. Герой переживает крушение прежней цели: *«Но те люди вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынес, и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг»* (с.567) – и отсутствие всякой цели в настоящем: *«Тревога беспредметная и бесцельная в настоящем, а в будущем одна непрерывная жертва, которую ничего не приобреталось, – вот что предстояло ему на свете. И что в том, что чрез восемь лет ему будет только тридцать два года и можно снова начать еще жить! Зачем ему жить? Что иметь в виду? К чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но он тысячу раз и прежде готов был отдать свое существование за идею, за надежду, даже за фантазию. Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего. Может быть, по одной только силе своих желаний он и счел себя тогда человеком, которому более разрешено, чем другому»* (с.566-567).

В этой страстной исповеди человека, мучимого гордыней и отсутствием всеобъемлющей цели (потому что достижение конкретных, «ближних» целей не спасает его), сливаются голос героя и голос автора. Это выражение идеи 'Цели', характерной для русской культуры и христианского миропонимания, когда главная 'Цель' сливается с 'Предназначением', когда 'Цель' соотносится не только с целенаправленной деятельностью, а с самим 'Смыслом' жизни.

Спасение приходит к Раскольникову с любовью и со светом Евангелия: *Они оба были больны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь*. На смену мучительным социальным идеям приходила вера. «Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» (с. 573-574).

Выводы:

1. Обращение к индивидуальной концептосфере позволяет расширить представление о концептосфере национального языкового сознания в целом.
2. Концепт 'Цель' является ключевым для концептосферы русского языка.
3. Лингвокультурное исследование концепта показало его пересечение с другими важнейшими концептами русской культуры: 'Причина', 'Предназначение', 'Счастье', 'Гордость'.

Перспективы исследования состоят в полном анализе реализации культурного концепта 'Цель' в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 386-396.
2. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. – К.: Вища школа, 1993.
3. Данилко М.И. Композиционно-речевые средства создания абсолютной антропоцентричности художественного текста: Автореф. диссертации кандидата филологических наук. – Одесса, 1987.
4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Собр. соч. в 10 томах. Т. 5. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1957г.
5. Космеда Т.А. Концептосфера дневника Т.Г. Шевченко: концепт Украина // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса, 2003. – №8. – С.122-126.
6. Космеда Т.А. Русские культурные концепты в «Дневнике» Т.Г. Шевченко: посиделки, самовар // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Научн. журнал. – Филология. – Симферополь, 2002. – Т.15(54). – №1.

7. Крейдлин Г.Е. К проблеме языкового анализа концептов «Цель» VS «Предназначение» // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик, 2003. – С.430-438.
8. Левонтина И.Б. Целесообразность без цели // ВЯ, 1996. – №1. – С. 42-57.
9. Любимов Б.Н. Роль Достоевского // Действо и действие, том 1. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 137-241.
10. Павленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983.
11. Радзиевская Т.В. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 397-402.
12. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. Монографическое учебное пособие. – К.: Брама, 2004.
13. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры». – М., 1997.
15. Яценко Т.А. Концепт причины в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. – С-Петербург, 2003. – С. 283-289.
16. Яценко Т.А. Концептуальное представление `Причины` и `Цели` в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля // Вісник Черкаського університету. Серія «Філологічні науки». – Черкаси, 2003.
17. Яценко Т.А. Семантика «ради» как область пересечения культурных концептов `радость`, `цель` и `причина` // Язык и культура. – Вып.6. Т.3. Ч.1. – К., 2003. – С. 381-388.

Поступила 10.09.2004 г.